

Иннокентий Анненский
О РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ ДАНТЕ [НЕИЗДАННАЯ РЕЦЕНЗИЯ]

Публ. А. И. Червякова

В творческом наследии И. Ф. Анненского немаловажное место занимают переводоведческие труды, в значительной степени до настоящего времени не изданные. К таким текстам относится и публикуемая рецензия И. Ф. Анненского, посвященная проблеме “русского Данте”.

Рецензия эта интересна и оценками достоинств и недостатков конкретных переводов “Божественной комедии”, и общими суждениями И. Ф. Анненского о Данте и об особенностях перевода его произведений на русский язык. Тем самым, думается, она дает материал для размышлений над темой “Данте и И. Ф. Анненский”.

Разбор переложений “Божественной комедии”, принадлежащих перу восьми российских переводчиков XIX в.,¹ выполнен И. Ф. Анненским для Ученого Комитета Министерства Народного Просвещения. Рецензия представляет собой часть большого доклада И. Ф. Анненского, в котором он анализировал издания,² вышедшие во второй серии³ “Русской классной библиотеки, издаваемой под редакцией А. Н. Чудинова”. Доклад был прочитан И. Ф. Анненским в заседании Основного Отдела Ученого Комитета 12 мая 1908 г. (ЦГИА, ф. 734, оп. 3, № 119, л. 740-742) Автограф публикуемой рецензии хранится в ЦГИА (ф. 734, оп. 3, № 216, л. 276-281 об.)

¹ Русская классная библиотека, издаваемая под редакцией А. Н. Чудинова. Данте Алигиери. Божественная комедия. Часть I. Ад. Полный текст 34 песен, объяснительные статьи. 1897. Стр. VI+227. ц. 55 к.; Ч. II. Чистилище. Полный текст. Примечания. 1897. Стр. III+169. ц. 50 к.; Ч. III. Рай. Текст и примеч. 1897. Стр. III+175. ц. 55 к.

² Кроме “Божественной комедии” Данте в докладе разбирались сочинения Дж. Боккаччо, Дж. Г. Байрона, И.-В. Гете, А. Шамиссо, Д. Дидро, Х. К. Андерсена, Т. Тассо и П. Бомарше.

³ “Классические произведения иностранных литератур в переводах русских писателей”.

Хорошо напечатанная книжка включает все песни Дантова Ада, в различных переводах, частью стихотворных, частью прозаических, и статьи Карлейля и Мина. Первые песни снабжены подстрочными примечаниями, остальным объяснения даны в конце книги.

Переводы разного достоинства. Лучший стихотворный — Мина, прозаический — Каншина. Третья песня переведена стихами Головановым. Жаль, что именно эта с ее классическим началом содержит в переводе такие несуразные стихи, как

Что было раней — все как я безлетно

Кто узнает здесь Дантовское

ed io eterno duro

Впрочем четвертая песня в переводе того же г. Голованова вышла гораздо глаже и понятнее.

Стихотворный перевод г. Петрова (В. А.) (п. VI и др.) сделан пятистопным ямбом, а так как число строк при этом ограничено, то перевод должен быть иногда слишком энергичен.

Вот, напр., изображение Цербера, несколько не совпадающее с Дантовским:

Взор у него кровав, отвис живот;

Жир в бороде и лапища с когтями;

Царапает и кожи с душ он рвет.

Еще менее удалось г. Петрову в XXI песне изображение дьявола:

Неся к смоле, на костяных плечах

Тень грешника без всякой уж защиты,

Он сгреб его за *нервы* на ногах.

Тут нет Дантовских плеч *acuto e superbo*, а *il nerbo* обратился в *нервы*.

Слишком энергична и такая фраза:

Не то, смотри, чтоб мы не почесали

(У Данта: если не хочешь наших когтей).

Нехорошо и выражение — “кусочек от локтя отлетел” в 22-й песне, тем более что Данте в нем не повинен.

В 24 песне Ванни Фуччи, который говорит у Данта следующее:

Звериная жизнь нравилась мне, а не человеческая
Мне, мулу, которым я и был. Я Ванни Фуччи,
Зверь, а Пистойя была достойной меня берлогой,

у г. Петрова выражается так:

Я жизнь скотов людской предпочитал
Ванни Фуччи — прямой лошак — скотина
Пистойю я берлогою считал.

Но и перевод г. Петрова, несмотря на эти неудачные стихи, сделан в общем удовлетворительно, а местами даже красиво. Переводить Данта стихами в общем рискованно. Но, казалось бы, от прозаического перевода мы вправе ожидать точной передачи не только мыслей, но и метафор. К сожалению, в переводе Чуйко попадаются однако большие странности, напр., *l'animose man del duca e pronte* переведено *смелой и быстрой рукой*. Жест совсем не тот: Вергилий толкает Данта перед собой, а не от себя. Переводчик не заметил множественного числа. Грешники у В. В. Чуйко *падают спиной* (у Данта *surin*) и *сгибают грудь* (у Данта *né piegò sua costa*).

Г. Фан-Дим для чего-то переиначил в прозаической передаче метафору Данта (в 14-й песне). В тексте “степь удаляет со своего ложа все растущее”, а в русском переводе “недра степи не *вскармливают* ни единого злака” (Не замешалось ли здесь вместо *letto* — *latte*?).

Там же чудное Дантовское “*Quivi fermammo i piedi a randa a randa*” передано совершенно прозой *остановились стопы наши*.

Непонятна, кажется, или по крайней мере непонятно переведена г. Фан-Дим строка 28 в 20-й п.

Лучшим из переводчиков Данта прозой я считаю г. Каншина. К сожалению, впрочем, он по временам не жалеет Дантовской синтетичности. Ведь отсутствие стиха еще не налагает обязанности говорить аналитически.

Напр., в 25-й п. (стр. 69) у Данта стоит *Vedi che già non sei né due né uno*. Г. Каншин передает это так:

“Ты и змея не совсем еще слились во едино, но вы уже не составляете двух отдельных существ”.

Это комментарий (не вполне точный, кажется), но не перевод.

Перевод Мина едва ли требует особой характеристики. Его несколько стертый характер и однотонная патетичность выкупаются солидными достоинствами: он не допускает в Божественную Комедию ничего вульгарного, и при этом он старательно ее изучил, и, главное, всю. Он чаще передает меньше, чем понял, чем больше, чем понял, а это большое достоинство. Отмечу некоторые недочеты в передаче имен (напр., Амфиарий, Терезий).

Ч. II. В переводе Чистилища обращают на себя внимание своим архаизированным стилем переводы М. Б.

Равно и я когда притек ко брегу, туда, гдеосоляются им воды Тибра;

тьень бо

и sei днесь крыле и т. п.

Но почему-то рядом *не за́долго, выросль, воление* — слова странные, но ничего общего с церковным языком не имеющие.

Пишет г. М. Б. не стихами и не обычной прозой, а *бесконечным ямбом* с неопределенными делениями, вроде того, как Максим Горький, когда этот писатель хочет изобразить лирический подъем (например, в “Человеке”).

Взлетать, я мню, на быстрых крыльях, оперенных
желанием великим вслед тому,
кто и надежду... и т. п.

Во всяком случае в переводчике виден человек, хорошо изучивший текст. Это видно хотя бы из начала 4-й песни.

Стихотворный перевод г. Саломона без рифм понравился мне точностью и изяществом тона, правда, несколько мягкого для Данте, и простотой языка, которую переводчик приобретает иногда, впрочем, отказавшись от его колоритности (ср. начало 9-й песни).

Песни от 10-21 переведены г. Федоровым. У него менее

слогов, чем в подлиннике (в строке 8 или 9 слогов, а у Данте 11, не считая элидированных) — и он выбрал мало подходящий размер амфибрахий. Уже одно уменьшение числа слогов грозит точности и ясности передачи. И действительно: стоит прочитать хотя-бы описание Траянова барельефа (Песня 10-я стр. 70 слл.), чтобы убедиться в том, как сокращает г. Федоров Данте и вместе с тем его обесцвечивает.

Вот образчик перевода г. Федорова:

Ужели не знаете: черви
Ведь мы, рождены для того
Чтоб ангельской бабочкой к Богу
Лететь лишь? В объятья его!
К чему петушится тут ум ваш?

(в подлиннике *in alto galla*: к переводу совершенно не подходит русское *петушится*).

15-ую песню г. Федоров переводит дактилями в 8 и 7 слогов в строке, перемешивая их с амфибрахиями. Переведена эта песня лучше предыдущих.

До чего г. Федоров сокращает Данте или упрощает его — уж не знаю — видно из начала 16-й песни:

Мрак Ада и ночи беззвездной
Собою не так покрывал,
Как дым, что пред нами внезапно

Густым покрывалом предстал
Не мог уже глаз тут открыть я,
И вождь мне подставил плечо.

В этих шести строках 3 слова совершенно лишних, и при этом переводчику достаточно 51 слога, чтобы передать три терцины Данте, т. е. 99 слогов, не считая элидированных. У Данте, конечно, говорится не совсем то, что стоит в переводе.

У г. Федорова нет *ночи, затемненной тучами*, дым предстает перед людьми, а не покрывает их, как у Данте. У него поэт *не может открыть глаз*, а у Данте *глаза не могут оставаться открытыми*; наконец он опускает характеристику

вождя, речь спутника (*saputa e fida*).

Получается таким образом сокращенный пересказ. Надо однако отдать справедливость г. Федорову: он избежал многих ошибок перевода.

Последние песни Чистилища взяты из перевода г. Чуйко: они переданы добросовестно, но довольно бесцветной прозой.

Конечно: *piante novelle*
Rinnovellate di novella fronda

не совсем то, что “новые растения, возобновившие свои новые листья” русского переводчика, но, по крайней мере, содержание фраз одинаково.

Перу г. Чуйко принадлежит перевод и первых песен Рая (1-17).

Перевод недурен, хотя лишен тонкости. Переводчик предпочитает обыденность метафоре: этот неправильный прием при передаче символиста особенно ощутителен.

Так в 11-й п. Рая у В. Чуйко читаем: “никто не открывает двери с удовольствием”, а в подлиннике *la porta del piacer nessun dissegna*.

Есть у В. Чуйко неточности и смыслового, прозаического характера, в начале XIII песни (стр. 13 слл.).

С 18-й песни идет стихотворный перевод А. П. Федорова. К тексту Рая стиль и стихи его еще менее, по-моему, подходят, чем к тексту предыдущей части поэмы. Перевод уснащен энклитиками *ведь, уж, тут*, лишаящими его плавности, притом же к размерам его коротких строк присоединился еще *анапест*.

Кроме того, перевод сделан и довольно небрежно. Сравните, напр., 18-ая песня ст. 8 слл.:

Влюбленный свой взор тогда к ней уже
Я обратил и что в ней
Увидел, о том умолчу я:
Ведь слаб я так речью своей

В тексте стоит:

Io mi rivolsi all' amoroso suono
Del mio conforto

В переводе совсем не то

e quale io allor vidi

Negli occhi santi amor

(в переводе опущено)

qui l'abbandono

Non perch'io pur del mio parlar diffidi

(в переводе переиначено)

Ma per la mente che non può reddire и т. д.

Самые стихи очень неровны, и мысли выражены в них необычным образом. Вот, напр., заключение 19-й песни.

И всяк должен знать, Фамагуст, что

И Накория плачут уже

От животного, что их *ведь тащит*:

Дико оно, как и все (?)

В общем, конечно, во всех трех книжках есть удачные страницы, и даже нашлись бы, вероятно, блестящие переданные строки. Но, ввиду указанных мною недочетов и крайней пестроты в переводе поэмы, я, с своей стороны, не могу указать на это издание как заслуживающее особой рекомендации Ученого Комитета.

